

Лене Майоровой в мае исполнилось бы 40 лет. До сорока Лена не дожила. Она умерла в 39. Печально, когда умирает старый человек. Но есть какая-то дикость, что молодые — красивые, умные, талантливые — не доживают до 40. Личные обстоятельства, судьба или что-то общее в поколении? Вспоминая сегодня Лену, мы вспоминаем всех, кто в этом ушедшем году оказался с ней в одной связке — актрису Иру Метлицкую (35 лет), питерского критика Сережу Добротворского (39 лет) и всех, кто ушел раньше.

Последняя роль Лены Майоровой — в фильме Наташи Пьянковой "Странное время". Когда возник естественный момент объяснений причин ее смерти, их стали искать во многих обстоятельствах, которые были накануне. И, в частности, в участии Лены в этом фильме.

Речь идет о картине, где героям по 35 лет. Это абсолютно поколенческий фильм о людях, которые прожили эпоху Афгана, спирта "Рояль" и остались живы. Очень ностальгический, потому что сегодня на обломках своих иллюзий они решают проблемы бытия — любви и смерти. Три героя собираются на крыше одного московского дома и рассказывают друг другу истории своей необычной любви. Истории у них странные. Один встретился с девушкой, которая приехала к другому. Провел с ней три дня, потом она исчезла, а он про эту девушку помнит до сих пор.

Вторую историю рассказывает герой Олега Фомина. Герой с женой получают наконец отдельную квартиру и счастливы, что могут трахаться как хотят. Но за стеной живет другая молодая пара, и в результате их общения они просто меняются партнерами.

Третья новелла — это новелла Лены Майоровой и Олега Василькова. Майорова — это третья девушка на крыше, которая в майском настроении, когда все дышит весной, рассказывает, как она влюбилась. Пришла с подругой в кабак и вдруг увидела мальчика. Просто мальчика, тихо сидящего в углу за бутылкой коньяка. И влюбилась в него, намного ее моложе. Повела его к себе домой и отдала ему всю свою любовь. А наутро он от нее ушел. И теперь она, потеряв голову, бежит по городу, ищет своего мальчика.

Такие мелкие истории, дурацкие, рассказанные на крыше под вино и водку, пронизаны пафосом о поколении, которое заражено советским временем. Ценности советского времени все равно остались для них незбываемыми. Потому что вместе с тем временем ушла их молодость. И остались только иллюзии, что все будет хорошо.

Наташа Пьянкова всегда работает с одними и теми же людьми. Это ее друзья, сокурсники по ВГИКу. Имена их никому ничего, как правило, не говорят — их знает только узкий круг. Это ее коммуна. У нее метод коммунального кино. Но Наташа все время хочет втягивать в орбиту своей эстетики уже сложившихся актеров. Чтобы у нее они раскрылись в новом качестве. Так в картину совершенно органично вошли Олег Фомин и Лена Майорова.

Лена очень сомневалась, надо ли ей сниматься в этой картине. Она привыкла к другому стилю поведения на съемочной площадке. Она была уже заслуженной артисткой, снималась у Митты, Рязанова, где профессиональный подход в работе претворяется над камерным. А тут — коллективное

СМЕРТЬ СДЕЛАЛА ЕЕ ЗВЕЗДОЙ

О Лене Майоровой и поколении, которое не доживает до 40

творчество, веселая коммуна и то, что на экране, максимально приближено к тому, как эти люди живут в жизни. Она была в некоторой растерянности. Во-первых, с точки зрения того кино, в котором она снималась, она не могла сказать, хорошее оно или плохое. Во-вторых, она впервые снималась обнаженной. Ее смущало и то, что по степени откровенности, имея в виду вовсе не ее обнаженное тело а ее

обнаженные нервы, такого кино у нее просто никогда не было.

По большому счету, эта картина была для нее спасением. После этой роли в ее творческой биографии многое могло пойти по-другому. Лена, на мой взгляд, была человеком цветаевского плана — сжигала все и выходила на такую космическую высоту, где у нее просто могло не оказаться собесед-

ников. Так, наверное, Лена и по степени откровенности, обнажения своих чувств и нервов просто не могла найти себе равного партнера. Она сжигала даже тех, кто мог бы быть просто рядом. Такой человек всегда остается один. Этот фильм приблизил ее к собственному феномену — феномену Майоровой. Нельзя сказать, что Лена была кинозвездой. Когда она умерла, все стали спрашивать: а где она снималась? У нее были роли, но не было роли — визитной карточки. Отчасти смерть сделала ее звездой.

Этот фильм — тоска по неслучившейся жизни, по ожиданию чего-то. Чехов! При всей разности МХАТа и Пьянковой — это тем не менее одна история. Во мхатовском спектакле "Три сестры" Лена должна была играть именно Машу, а не Олю или Ирину. Героиню с предельно обнаженными нервами, которая никогда не скажет, что она чувствует. Она просто тихо уйдет со сцены. И когда она уйдет, случится самое страшное.

Нас всех шокировала ее смерть. Как я понимаю, за этим стоят очень delicate темы ее личной жизни. В этой истории очень много личного, но это нельзя рассказывать. Ее смерть с самого начала стала поводом для всевозможных манипуляций. Начали говорить о самоубийстве. Я думаю, что истина лежит посередине. Это не было ни несчастным случаем, ни самоубийством. Несчастье могло случиться из-за всего. Лена беспрерывно курила. Ее муж — художник, а в доме художника есть краски, растворители, ацетон. Любая неосторожно брошенная сигарета могла привести к трагедии. Но все не в этом дело. Огонь мог вспыхнуть и по неосторожности. Ключ — в ее цветаевском темпераменте. Лена, как мне кажется, человек, который все время испытывал судьбу. Такие люди всегда ходят на грани жизни и смерти.

Этот фильм — про ее поколение. Никто такое кино не снимает. Мы смотрим сегодняшние фильмы и не видим в них себя. А у нашего поколения есть свои внутренние коды, свои ключи. Для того окружения, в котором она жила, это кино, наверное, выглядело дикостью. Люди практически играли собственные истории. Лену пригласили не потому, что у нее такая была, а потому, что она могла в ней себя угадать. Даже рискуя быть слишком откровенной. Даже рискуя воспринять все придуманное для нее слишком всерьез.

После того фильма у многих сложилось впечатление, что в нем все не всерьез, кроме Лены. Только она — настоящая. Понятие звезды во многом рождается энергией того поколения, которое выдвигает своих звезд. Не было кино, готового к восприятию ТАКОЙ Лены Майоровой. У нее не было своего кинематографа. На ее месте — и у Рязанова в "Забывшей мелодии для флейты", и в "Дядюшкином сне", и в "Зине-Зинуле" — могла быть любая другая хорошая актриса. В этих фильмах видно, как она хорошо соответствует тому, что от нее требуется. А звезда всегда выламывается из рамок, которые ей выставляют. Это всегда разговор о большем, чем конкретная роль. После фильма "Странное время" Лена смогла стать героиней нового поколения. Все в этом фильме существует естественно, как они живут в жизни, и говорят на своем языке, а вдруг наиболее пронзительной и проникновенной оказывается актриса из МХАТа, заслуженная артистка России, которая, оказавшись там, играет всех лучше! Просто она сыграла ту жизнь, которой она была лишена. Она была лишена откровенного искусства. Искусства внутренней обостренности. Роли, которая становится поводом для очень откровенного высказывания.

Когда уходят люди твоего поколения, всегда думаешь: а можно ли было им чем-то помочь? Я раньше с большим интересом смотрел передачу Леонида Филатова "Чтобы помнили". И сейчас смотрю с интересом. Но в последнее время я задумался над одной вещью: эта программа уже какой год идет на фоне тех судеб, которые ломаются прямо на наших глазах. Когда начиналась эта программа, еще были живы Леша Саморядов, Женя Гребнев, оператор фильма "Макаров", Игорь Нефедов, Ира Метлицкая. Пройдет еще какое-то время, и все они станут героями этой передачи. Мы планируем эти программы, но неспециальный цинизм в том, что никто ничего не делает (не может сделать), чтобы этих трагедий не было. Это случилось с Леной во МХАТе. Но прошло немного времени, и Миша Ефремов пул в живот коммерческого директора этого театра. На наших глазах разворачиваются драматические судьбы, и непонятно, чем они закончатся. А энергетика талантливого человека оставляет после себя или кучу выродков, которые ей подражают, или выжженную землю.

Что с нами происходит? Дело даже не в возрасте. Нельзя сказать: те, кто до 35, — в шоколаде, а те, кто после, — медленно вымирают. Это не так. Просто мы оказались на гребне перелома. Мы совершенно не настроены на деловую этику. В массе своей мы все живем своими внутренними эмоциональными сюжетами. И все они, как правило, ложны. Мы их выдумываем. Считаем, что у нас не получается их, поэтому не получаются карьера, поэтому рушится семья, нет любви. А поэтому я не могу встать в 8 и с понедельника начать новую жизнь... Мы понимаем, что наша жизнь сегодня должна быть другой, но остаемся в старой. Мы все время ищем гармонию между нашими эмоциями и потребностью в сегодняшнем прагматизме. Мы понимаем, что нам хватило бы сил, чтобы сделать себе промушн, купить квартиру. Мозгами мы понимаем, как это сделать, но эмоционально у нас на это нет уже ни сил, ни, по большому счету, желания. Нет драйва. Раньше в театре это называлось "тончиком". Говорили: "Ну как играл актер?" — "Ничего, с тончиком". "Тончик" — это когда из человека прет темперамент, когда он заражает всех радостью жизни.

Мы все равно живем эмоциями. Мы их ищем и находим их соединения в несуществующих, как правило, драмах. А на самом деле, все предельно проще. Люди, которые сегодня делают жизнь, не ищут соединений. Они не мучаются в поисках гармонии, чтобы вечно и сиюминутное воссоединилось: а мы понимаем то и другое — и смысл нового, и ценность старого.

Прежнего, эмоционального в нас больше, чем в них. А жизнь делают совсем другие люди. И они эмоции давно оставили в той жизни. И из нашего разговора они извлекут не судьбу Лены Майоровой, а как фильм можно удачно продать и снять другую про другую Лену Майорову. Надежда только в том, что Чехова и чеховских героев с их энергией заблуждений не отменила ни одна эпоха. Ни одно время. Даже более страшное и странное, чем наше.

Вячеслав ШМЫРОВ, кинокритик,
главный редактор Киностудии Горького.
Материал подготовила
Наталья РТИЦЕВА.